

18+

Александра Ахия

БОГАТЫРИ НА ЛУНЕ

Дозор

Александра Ахия

Богатыри на Луне. Дозор

«Издательские решения»

Ахиия А.

Богатыри на Луне. Дозор / А. Ахиия — «Издательские решения»,

Все началось с рассуждения о приключениях богатырей: — А что если богатыри были не только на Земле, но и на Луне? — Какая история могла бы быть?

© Ахиия А.

© Издательские решения

Содержание

ЛУННЫЙ ДОЗОР	6
ПРОЛОГ	7
ГЛАВА 1. Квас, Сумрак и Чертежи Старца	8
ГЛАВА 2. Ковчег из Сумрака и Железа	10
ГЛАВА 3. Терем на Мертвой Горе	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Богатыри на Луне Дозор

Александра Ахиия

© Александра Ахиия, 2026

ISBN 978-5-0070-8057-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Знаешь, как говорил бы Волхв:

*«Иногда самые важные истории рождаются из самых
простых слов. Главное — уметь слушать Пустоту».*

ЛУННЫЙ ДОЗОР

ПРОЛОГ

Люди смотрят на Луну и видят романтику. Поэты слагают о ней стихи, влюбленные клянутся в вечной любви, глядя на ее серебряный серп, а дети верят, что там живет человек с лицом.

Мы, Другие, смотрим на Луну и видим Печать.

Сумрак там не такой, как на Земле. Он не слоистый, не вязкий, не пахнущий пылью веков и озоном. Лунный Сумрак — он звенящий, абсолютный и мертвый. Это вакуум, в котором не звучат даже крики душ. И именно поэтому там нужен Дозор... Лунный Дозор.

Вы думаете, сказки про богатырей, улетевших на серебряном щите, придумали деревянные сказители? Глупости. Сказки — это лучшая маскировка. Когда Потап плел чары над умами простых смертных, чтобы скрыть огненный взлет «Ковчега», он просто дал им то, что они хотели услышать. Людям проще поверить в богатырей в кольчугах, чем в правду. А правда в том, что магия не терпит суеты, а космос не терпит слабости.

Меня зовут Мирт. Нет, не подумайте, я не буду рассказывать вам свою историю. Моя история — это история московского офиса, карателей и бесконечной борьбы за равновесие. Я расскажу вам историю тех, кто ушел туда, где не действуют обычные законы Мирового Договора.

Лунную историю Трех.

ГЛАВА 1. Квас, Сумрак и Чертежи Старца

Двор в центре Москвы, зажатый между сталинскими высотками и современными стеклянными офисами, был аномалией. Обычные люди сюда не забредали — работало легкое, фоновое заклятие «неинтересно, пройти мимо».

На деревянной, потемневшей от времени завалинке сидели трое. Для случайного прохожего, если бы такой вдруг забрел сюда, они выглядели бы как колоритные бомжи или, может быть, актеры, застрявшие между репетицией и съемкой.

Мирон был огромен. Его плечи казались высеченными из гранита, а борода, густая и темная, скрывала шрам на подбородке — след от когтей темного оборотня, которого Мирон рвал еще во времена Ивана Грозного. Он пил квас из эмалированной кружки, но если бы кто-то заглянул внутрь, то увидел бы не пенный напиток, а густую, янтарную субстанцию, пахнущую озоном и корнями мандрагоры. Это был эликсир восстановления, необходимый после долгого пребывания в Глубоком Сумраке.

Трофим был худ, нервен и постоянно щелкал пальцами, словно считая невидимые нити. Его глаза, светло-серые, почти бесцветные, смотрели не на двор, а сквозь него, отслеживая векторы магических потоков.

Потап улыбался. Широко, добродушно, от чего его круглое лицо собиралось в гармошку. Он казался самым простым из них, но именно от него исходила такая волна скрытой, многослойной магии, что у слабой души могла бы начаться истерика.

— А что, братцы, — тихо сказал Потап, глядя в небо, где сквозь смок московского смога едва пробивался бледный лунный серп. — Если в небо глянуть? Там ведь Луна сияет, словно серебряный щит. Что, если за ней что-то невиданное скрыто?

Мирон тяжело вздохнул. Звук был похож на скрежет тектонических плит. — Глупости, Потап. Там лишь темнота да холодина. Вакуум. Сумрак, в котором нет ни Света, ни Тьмы. Только Пустота. Наше место на земле — Русь защищать. За Вавилоном следить, чтобы Темные не перешли грань.

— А вдруг Потап прав? — Трофим перестал щелкать пальцами. Его голос был сухим, как шелест пергамента. — Ведь сказано, что нет пределов человеческому духу. И духу Других тоже. Я чувствую, как Печать истончается. Темные на той стороне не спят. Они строят.

— Кто строит? — нахмурился Мирон. — Те, кто был до Договора, — отозвался Трофим. — Звездные. Безликие. Им нет дела до нашего равновесия. Они хотят вернуть Луну в состояние абсолютного Хаоса.

Потап усмехнулся и плеснул себе еще «кваса». — Значит, нужен форпост. Чтобы всяк видел мощь земли нашей. И чтобы Темным было не повадно.

В этот момент воздух во дворе стал густым. Сумрак начал сгущаться, опускаясь до уровня земли. Тени от деревьев легли неестественно длинно, а свет тусклой лампочки под подъездом приобрел синюшный оттенок.

Из тени стены, там, где не было ни дверей, ни проемов, вышел Старик.

Он был одет в простой, слегка поношенный плащ. В руках он держал потертый кожаный портфель. Мирон перестал пить. Трофим выпрямился. Потап перестал улыбаться, и его лицо стало жестким и древним.

— Во.. — начал было Мирон, но Старик поднял руку.

— Не надо имен, Мирон. Имена — это якоря. А вам предстоит оторваться от земли, — голос Старика был тихим, но он звучал прямо внутри их черепов, минуя барабанные перепонки. — Вы спорили о Луне. Вы правы, Трофим. Печать трещит. Каратели молчат, потому что Мировой Договор не распространяется на космос. Там нет Света и Тьмы. Там есть только Мы и Они.

Старик поставил портфель на пыльную землю и щелкнул замками. Внутри не было бумаг. Там лежал предмет, похожий на идеальный черный куб, грани которого переливались всеми цветами Сумрака.

— Крион? — выдохнул Трофим, в его глазах отразился ужас и благоговение. — Но это же артефакт Первых...

— Чертежи, — поправил его Старик. — Матрица пространства. Она даст вам знание, как сплести корабль не из металла, но из воли, железа и Сумрака. Он пройдет сквозь слои, где нет воздуха, и не задохнется.

Мирон посмотрел на свои огромные ладони. — Нас трое. Темных на Луне — легионы. — Вам не нужно их побеждать, — Старик усмехнулся, и в этой усмешке было столько веков, что Потап невольно поежился. — Вам нужно построить Терем. Заложить фундамент, который станет новым центром тяжести для земного Сумрака. Вы станете Маяком.

— А люди? — спросил Потап. — Они увидят взлет. Ракету. Огонь. — Ты мастер иллюзий, Потап, — Старик посмотрел на него. — Дай им сказку. Пусть верят в богатырей. Пусть верят в ракету. Вера людей — это тоже энергия. Она поможет вам пробить первый слой Сумрака.

Старик закрыл портфель. Тени дрогнули, Сумрак отступил, и во дворе снова воцарилась обычная московская ночь. Старика не было. На завалинке остался лишь черный куб, тихо гудящий и притягивающий к себе взгляды.

Мирон допил эликсир, вытер рукавом бороду и тяжело поднялся. Земля под его ногами слегка дрогнула. — Ну что, братцы? — его голос был глухим, как удар колокола. — Пора кузницу раздувать. Будем корабль ковать.

Трофим уже тянулся к кубу, его пальцы дрожали от предвкушения разгадать геометрические тайны вселенной. А Потап снова улыбнулся, глядя на Луну.

— Ракета, так ракета, — пробормотал он. — Любят люди сказки. Давай им сказку. Только с хорошим концом.

ГЛАВА 2. Ковчег из Сумрака и Железа

Работа началась той же ночью.

Если бы обычный человек мог видеть то, что происходило во дворе между сталинскими высотками, он бы сошел с ума. Но Потап позаботился об этом. Он раскинул вокруг двора купол Пятой степени — не просто невидимость, а полное выпадение из восприятия. Люди проходили в десяти метрах от места работы и видели лишь пустырь с покосившейся скамейкой. Их разум отказывался замечать то, что не вписывалось в картину мира.

Трофим сидел перед черным кубом, и его глаза светились тусклым серебристым светом. Он не просто смотрел на артефакт — он погружался в него, слой за слоем, как ныряльщик в бездонное озеро. Чертежи из куба не были чертежами в привычном смысле. Это были формулы, вплетенные в саму структуру Сумрака, геометрические паттерны, которые описывали не форму, а суть.

— Он не должен быть герметичным, — бормотал Трофим, его пальцы чертили в воздухе светящиеся линии. — Обычный корабль защищает от вакуума. Но нам нужно не это. Нам нужно защитить от отсутствия Сумрака. От абсолютной Пустоты.

Мирон стоял на коленях, вонзив руки в землю. Его кожа потемнела, стала похожей на кору дуба. Он чувствовал каждую песчинку, каждый корень, каждую каплю воды в почве Москвы. Но ему нужно было больше. Ему нужно было вытянуть из земли не просто материал — ему нужна была сама память земли, ее воля к существованию.

— Железо, — глухо сказал Мирон. — Мне нужно железо. Не то, что в трубах лежит. Мне нужно то, что в крови. То, что в руде, спящей глубоко.

Он начал петь. Это была не песня в человеческом понимании — это был низкий, вибрирующий звук, от которого дрожали стекла в окнах на верхних этажах. Земля под его руками начала меняться. Из асфальта, из бетонных фундаментов, из старых труб — отовсюду начал сочиться металл. Не ржавый лом, а чистое, звенящее железо, послушное воле Другого.

Потап тем временем плел свою сеть. Он стоял в центре двора, раскинув руки, и из его ладоней тянулись тонкие, почти невидимые нити. Эти нити уходили в небо, опутывая Луну, связывая ее с землей. Он создавал не просто иллюзию — он создавал миф.

— Люди должны верить, — шептал Потап, его голос звучал как эхо из далекого прошлого. — Они должны видеть не магию, а технологию. Не Других, а богатырей. Не прорыв сквозь Сумрак, а ракету.

Он плел образы: гигантский металлический корабль, рев двигателей, огненный след в небе. Он вплетал эти образы в сознание миллионов людей, спящих в своих квартирах. И чем больше людей верило в эту сказку, тем реальнее она становилась. Вера — это тоже магия. Древнейшая и сильнейшая.

К рассвету Ковчег начал обретать форму.

Это было не похоже ни на один корабль, который когда-либо строило человечество. Его корпус не был сварен из листов металла — он был выращен, как дерево, из переплетения железа и застывшего Сумрака. Трофим нашел способ вплести в структуру металла саму ткань Пятого уровня Сумрака. Теперь корабль существовал одновременно в обычном пространстве и в Сумраке. Он мог дышать там, где нет воздуха. Он мог жить там, где нет жизни.

Корпус был темным, почти черным, но если смотреть под определенным углом, в нем проступали узоры — древние руны, которые Мирон вырезал своей волей, вплавляя их в металл. Это были не защитные заклинания — это были якоря. Руны привязывали корабль к Земле, к ее Сумраку, к ее памяти.

— Он не полетит, — сказал Мирон, отступая на шаг. Его лицо было бледным, он отдал слишком много сил. — Он слишком тяжелый. Слишком земной.

— Он не должен лететь, — ответил Трофим. Его глаза горели лихорадочным огнем. — Он должен провалиться. В Сумрак. А из Сумрака — выйти там, где нужно.

Потап усмехнулся и хлопнул в ладоши. — Тогда пора давать представление.

Он поднял руки к небу, и над двором начал сгущаться туман. Но это был не обычный туман — это была иллюзия, видимая всему городу. Люди, проснувшиеся рано, подходили к окнам и видели: над Москвой, прямо из земли, поднимается гигантский корабль. Его двигатели ревут, из сопел вырывается пламя, а сам он сверкает в лучах восходящего солнца.

— Ракета! — кричали дети, тыча пальцами в небо. — Что за черт? — шептали взрослые, хватаясь за телефоны.

Новости взорвались. Соцсети заполнились видео и фото. Кто-то кричал о секретных разработках, кто-то — о вторжении, кто-то — о конце света. Но Потап плел свою сеть, и паника не наступала. Люди смотрели на корабль и чувствовали... гордость. Да, это русская ракета. Да, это наши богатыри летят к Луне. Это было неправильно, это было невозможно, но это чувствовалось абсолютно правдиво.

Внутри Ковчег было тихо.

Трое Других сидели в центре, в круге, начертанном Трофимом. Мирон держал руки на полу — он чувствовал каждую вибрацию Земли. Трофим смотрел в черную точку перед собой — он видел структуру Сумрака, его слои, его течения. Потап держал в руках маленький медальон — в нем была запечатана часть коллективного бессознательного, та самая вера миллионов людей в сказку о богатырях.

— Готовы? — спросил Трофим. — Всегда готов, — ответил Мирон. — Поехали, — усмехнулся Потап.

Трофим произнес слово. Это было не слово на каком-либо языке — это был звук, который существовал до языков, до людей, до самого мира. Звук, который означал «провалиться».

Ковчег дрогнул.

И исчез.

Первое, что они почувствовали — это тишина.

Не обычная тишина, когда нет звуков. Это была тишина абсолютная, звенящая, давящая. Тишина, в которой не существовало даже эха их собственных мыслей.

— Первый слой, — прошептал Трофим. Его голос звучал странно, как будто он говорил не в воздухе, а в воде. — Мы в Первом Сумраке. Но он... другой.

Мирон открыл глаза. То, что он увидел, заставило его сердце пропустить удар.

Они были в Москве. Но это была не их Москва. Это была Москва, увиденная сквозь толщу Сумрака, но Сумрак здесь был не серым, не вязким, не пахнущим пылью и временем. Он был прозрачным, как стекло, и холодным, как лед. Здания стояли, но они были полупрозрачными, словно призраки. А над всем этим — небо. Не черное, не синее, а белое. Абсолютно белое, без единого облака, без единой звезды.

— Это не наш Сумрак, — сказал Мирон. Его голос дрогнул. — Это чужой.

— Конечно чужой, — Трофим усмехнулся, но в его улыбке не было веселья. — Мы на Земле. Земной Сумрак привязан к Земле, к ее жизни, к ее истории. А мы... мы между. Мы в пространстве между мирами.

Потап посмотрел на медальон в своих руках. Он светился тусклым золотистым светом — единственная теплая точка в этом холодном, чужом мире. — Вера держит нас, — сказал он. — Люди верят, что мы летим. И эта вера тянет нас вперед. Иначе мы бы растворились.

— Второй слой, — сказал Трофим. — Держитесь.

Он произнес еще одно слово, и Ковчег провалился глубже.

Второй Сумрак был еще страшнее. Здесь не было даже призраков зданий. Здесь была только Пустота. Абсолютная, бесконечная Пустота, в которой не существовало ни верха, ни

низа, ни света, ни тьмы. Ковчег висел в ней, как капля масла в воде, и эта Пустота давила на них со всех сторон, пытаясь раздавить, растворить, стереть.

Мирон застонал. Его сила, сила Земли, здесь была бесполезна. Не было земли, не было корней, не было памяти. Только Пустота.

— Держись, брат, — прошептал Потап и положил руку на плечо Мирона. Из его ладони потекла теплая волна — иллюзия, образ родного двора, запах кваса, тепло завалинки. Мирон задышал легче.

— Третий слой, — голос Трофима звучал как издали. — Последний рывок.

Третий Сумрак был не местом — он был состоянием. Это было полное растворение, исчезновение «я». Мирон чувствовал, как его сознание начинает распадаться на части, как его память утекает, как его воля тает. Он забывал свое имя. Он забывал, зачем он здесь. Он забывал, что он существует.

И в этот момент он почувствовал Луну.

Она была далеко, но она была реальной. Она была тяжелой, холодной, мертвой — но она была. И она звала их.

— Вижу! — крикнул Трофим, и его голос прорвался сквозь Пустоту, как луч света. — Вижу выход!

Ковчег рванулся вперед, пробивая Третий Сумрак, как игла пробивает ткань.

И они вышли.

Тишина.

Но это была другая тишина. Не давящая, не чужая. Это была тишина покоя. Тишина места, которое ждало их.

Мирон открыл глаза и увидел иллюминатор. За ним — черное небо, усыпанное звездами. Но звезды здесь были другие. Они не мерцали — они горели ровно, спокойно, как далекие фонари. И в этом небе висела Земля. Огромный, сияющий сине-зеленый шар, такой близкий, что казалось — протяни руку и коснешься.

— Мы... — начал Мирон, но не смог продолжить.

— Мы на Луне, — закончил Трофим. Его лицо было бледным, но глаза горели. — Мы прошли.

Потап посмотрел на медальон. Он погас. Вера людей дотянулась до Луны и иссякла. Теперь они были одни.

— Выходим, — сказал Мирон и поднялся. Его ноги твердо встали на пол Ковчега. Здесь, на Луне, его сила снова была с ним. Не земная сила — сила воли, сила присутствия.

Они подошли к шлюзу. Трофим произнес заклинание, и дверь открылась.

Перед ними была лунная поверхность. Серая, мертвая, покрытая пылью, которая не двигалась — здесь не было ветра. Кратеры, холмы, равнины — все это было залито ровным, холодным светом от Земли и далекого Солнца.

И везде был Сумрак.

Но не такой, как на Земле. Лунный Сумрак был тонким, прозрачным, но он был везде. Он струился из-под ног, он висел в воздухе, он заполнял кратеры. Это был Сумрак без жизни, без истории, без памяти. Чистый, абсолютный, мертвый.

— Вот оно, — прошептал Трофим. — Маяк. Мы должны построить его здесь. На самом высоком месте.

Он показал на гору вдали — гигантский вал, возвышающийся над равниной.

— Пойдем, — сказал Мирон и сделал первый шаг.

Его сапог опустился на лунную пыль, и она не взлетела клубом, как на Земле — она лишь слегка осела под его весом. Здесь гравитация была другой, и тело чувствовало себя странно легким.

Они шли по Луне, трое Других, первых лунных дозорных. За их спиной темнел Ковчег — их корабль, их дом, их крепость. Впереди была гора, на которой они должны были построить Терем. А вокруг — бесконечная, мертвая тишина, в которой только их дыхание нарушало покой, не нарушавшийся миллиарды лет.

Потап оглянулся на Землю — на тот далекий, сияющий шар, где кишела жизнь, где люди верили в сказку о богатырях, где Темные и Светлые вели свою бесконечную войну.

— Прощай, дом, — прошептал он. — Мы вернемся. Обязательно вернемся.

Но в глубине души он знал: обратно пути нет. Они стали Лунным Дозором. И их вахта только начиналась.

ГЛАВА 3. Терем на Мертвой Горе

Строительство началось с фундамента.

Мирон стоял на вершине горы, которую Трофим назвал Маяковой, и смотрел под ноги. Лунная пыль — серая, мелкая, похожая на пепел — лежала неподвижным ковром. Здесь не было ветра, не было дождя, не было эрозии. Эта пыль лежала так миллиарды лет, и каждый след, который оставляли их сапоги, мог сохраниться до скончания века.

— Что будем класть в основу? — спросил Мирон. Его голос звучал глухо — здесь, в разреженной атмосфере (или ее отсутствии — он так и не понял, как они дышат без скафандров, но дышали), звуки вели себя странно. Они не разносились, а существовали только внутри головы, как мысли.

Трофим сидел на камне, перебирая в воздухе невидимые нити. Его глаза были закрыты, но он видел больше, чем любой, кто смотрел открытыми. — Лунный грунт, — сказал он наконец. — Но не просто грунт. Нужно сплести его с Сумраком. Сделать так, чтобы камень стал частью ткани пространства. Чтобы стены Терема существовали не только здесь, но и во всех слоях Сумрака одновременно.

— Это... сложно, — нахмурился Мирон. — Это невозможно, — усмехнулся Потап, который лежал на спине и смотрел в черное небо, где Земля висела, как огромный сине-зеленый глаз. — Но мы же богатыри, помнишь? Нам положено невозможное.

Мирон усмехнулся в бороду и опустил на колени. Он положил ладони на лунную пыль и закрыл глаза.

Сначала он почувствовал холод. Не физический холод — здесь было холодно настолько, что металл становился хрупким, но его тело, измененное магией, не замечало этого. Он почувствовал холод Пустоты. Холод места, где никогда не было жизни. Где никогда не рождались и не умирали. Где не было ни радости, ни боли, ни любви, ни ненависти.

Только тишина. И пыль.

Но Мирон был магом Земли. И даже здесь, в этом мертвом мире, он нашел то, что искал. Память.

Не память людей — здесь не было людей. Не память Других — сюда не ступала нога Другого до них. Это была память самой Луны. Память камня, который помнил, как он был частью протопланетного диска, как он сталкивался с другими телами, как он был захвачен гравитацией Земли и стал ее спутником.

Миллиарды лет одиночества. Миллиарды лет тишины.

Мирон почувствовал, как эта память откликается на его прикосновение. Как пыль под его руками начинает меняться. Не физически — она оставалась пылью. Но ее суть, ее магическая структура начинала перестраиваться, подчиняясь воле Другого.

— Трофим, — прошептал Мирон, не открывая глаз. — Давай схему.

Трофим открыл глаза и начал плести. Его пальцы двигались в воздухе, рисуя невидимые узоры. Это была не геометрия в привычном смысле — это была топология Сумрака. Он создавал матрицу, по которой лунная пыль должна была стать не просто камнем, но камнем, существующим во всех слоях Сумрака одновременно.

Потап встал и подошел к ним. Он положил руки на плечи Мирона и Трофима и начал плести свою магию — магию иллюзий, магию веры. Он создавал образ Терема — не физического здания, но идеи, концепции, которая должна была стать якорем для всей конструкции.

Терем в сказках — это не просто дом. Это место силы. Место, где живет чудо. И Потап вплетал это чудо в саму структуру будущего здания.

Час. Два. Три.

Время на Луне текло иначе. Солнце не двигалось по небу — оно висело неподвижно, освещая одну сторону горы вечным днем, а другую — вечной ночью. Они работали в сумеречной зоне, на границе света и тьмы, где тени были длинными и резкими.

Постепенно лунная пыль под руками Мирона начала меняться. Она не спекалась, не плавилась — она перестраивалась на уровне магической структуры. Пылинки сцеплялись друг с другом, образуя кристаллическую решетку, которая существовала не только в физическом пространстве, но и в Сумраке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.